ВЛАСТЬ И СОЦИУМ – КОНФЛИКТ ИЛИ ДИАЛОГ

УДК 316-323

С. В. ЗЕНКО

1. «Структурный конфликт»

Одной из главных особенностей развития России в условиях социальных преобразований является необходимость диалога (понимание и признание общих интересов) между властью и обществом. Европа в связи с этим испытывает сегодня кризис власти, как результат «перегрева» социальных преобразований и неэффективности социального управления. Партийная конкуренция оказалась в итоге дестабилизирующим фактором: каждое последующее правительство строило свою деятельность на росте социальных расходов. Демократия проходит сегодня очень жесткую проверку. «Большинство аргументов против демократии как системы политических институтов, способствующих экономическому росту, так или иначе связано с перераспределением доходов, порождаемым расширением участия граждан в принятии политических решений» [5, с. 147]. Насколько реальна в связи с этим угроза централизации власти не только в ЕС, но и в России?

В России ситуация несколько иная, но не менее сложная – недофинансирование социальных расходов (особенно до 2006 г.) привело к резкому выдвижению бюрократического аппарата, как следствие роста избыточного капитала (доходов и профицита федерального бюджета). Власть в итоге должна готовиться к очень сложному диалогу с обществом в ближайшей перспективе, поскольку структура современного российского общества чрезмерно дифференцирована. Речь идет о «сильном структурном конфликте», который наблюдается в обществе и, который «может существовать ценою напряженности и даже нестабильности. Но есть определенные пределы этой терпимости...» [8, с. 276]. В основании такого конфликта, как нам представляется, заложен особый «ритуал перехода», когда «статусные критерии» определяются не уровнем образования, компетентности, знания, опыта акторов, а внешними обстоятельствами – близостью их к определенным кругам и отдельным личностям. «При таких ассиметричных социальных отношениях одна из сторон получает прерогативы власти. Они зависят не от индивидуальных, субъективных качеств данной личности, а исключительно от занимаемого ею определенного, а именного наделенного властью над другими людьми, социального статуса» [10, с. 391]. В конечном итоге власть так или иначе активно участвует в формировании социальной структуры общества и вправе утверждать, что гражданского общества нет и диалога вести не с кем.

Осуществление диалога с властью как основной формы преодоления возможного кризиса власти и общества тем не менее лежит через социальные преобразования – снижение уровня дифференциации общества за счет перераспределения достигнутого уровня социальных расходов, поскольку дальнейший их рост будет резко ограничен либо прекратится. В этом плане проблемы ЕС – это и наши проблемы. Т. е. социальные изменения должны идти в направлении: снижение доходов – снижение социального статуса отдельных акторов: как правило, завышенный социальный статус гарантирует и высокие доходы. Рост доходов бюрократии как результат ее чрезмерного «давления» на экономику повышает ее статус и доверие власти: она оценивает «эффективность» управления (профицит бюджета, снижение госдолга, повышение реального дохода отдельных граждан и т. д.) как заслугу своего аппарата. Однако это следствие влияния внешних факторов и роль бюрократии (аппарата) здесь иная: нарастание кризиса в обществе будет определяться тем, «в какой степени государство интегрирует интересы всех слоев общества, а не действует в пользу одних групп и в ущерб другим группам» [5, с. 272]. Заинтересована ли в этом бюрократия, и если нет, то не является ли это источником растущей дифференциации в обществе?

Политическую конфигурацию, которая сформировалась в российском обществе, известный экономист Ю. Кочеврин определил как «государственный централизм». «С точки зрения процесса принятия решений о введении новых регуляций и изменений уже существующих конструкция государственного централизма способствует замыканию его внутри государства как организации...» [5, с. 273]. Таким образом, проблема концентрации и централизации капитала, собственности

и, соответственно, принятия управленческих решений для российского социума снова обрела «повседневность», но уже на более высоком «организационном» уровне. В результате государство превращается в некую корпоративную систему. «Основой для таких представлений выступает именно достигнутая централизация и проникновение государства в бизнес...» [5, с. 273]. В конечном итоге диалог власти с обществом должен быть организован в направлении роста демократии, т. е. ослабления государственного централизма. Проблема, однако, в том, насколько необходим сам отказ от государственного централизма в условиях перманентных мировых экономических кризисов и готова ли российская власть на отказ от «централизма»? Т. е. как снизить дифференциацию в доходах (как источник структурного конфликта) и одновременно сохранить легитимность власти, «опирающейся» именно на этот конфликт, в основе которого лежит централизация собственности и общественных доходов?

Постановка данной проблемы «озвучена» сегодня как необходимость проведения модернизации — это настраивает общество на позитивный диалог с властью. Но неясна до сих пор сама парадигма модернизации: формирование новых собственников через ослабление давления государства на экономику и общество или простое увеличение бюджета в пользу сохранения прежней структуры управления? Но в таком ракурсе диалог с властью и модернизацию в целом, как одну из форм этого диалога, нельзя теоретически обосновать — власть не мотивирована на диалог с социумом до тех пор, пока обращает свой взор на мировые рынки сырья, поскольку источник (средства) дает нам рынок сырья — своих средств, по сути, нет. «Федеральное государство обращается вовне, к глобальной экономике...» [4, с. 6].

По сути, в стране утвердилось уникальное капиталистическое общество — корпоративное государство (мы отметим ниже лишь некоторые его черты). Чиновник, попав в корпоративное сообщество, совершенно не мотивирован на социальные изменения (на ускорение социальной мобильности и снижение социальных конфликтов), что и менеджер крупной компании, который думает только о прибылях своей компании, и его интересует одно: как бы повысить долю рынка за счет конкурентов. Не выработан критерий социальных изменений — аппарат «отвечает» только за общий экономический рост и прочие индикаторы. Следовательно, диалог в итоге должен идти от социума, «снизу». Сегодня важно не прервать «обозначенный временем» эволюционный характер развития общества. Насколько это реально?

Сегодня ситуация не намного лучше, чем в начале 90-х, хотя ресурсов для предотвращения «спонтанной трансформации» достаточно. Трудность ситуации в том, что существенно изменилась природа государства — оно стало менее «зависимым» от общества в результате невиданной эксплуатации природных ресурсов. Доля природной ренты (доходов от продажи сырья в целом) в федеральном бюджете доходит до 40–50%, если сюда добавить значительную долю косвенных налогов (НДС, акцизы) — около 25%, то на долю налогов на трудовые ресурсы, основной капитал, прибыль приходится не более 20–30%. Цель модернизации — повысить долю последних, т. е. перейти на рельсы современной экономики. Очевидно, это сделает власть более зависимой от развития человеческого капитала и общества в целом, что предполагает рост и социального капитала (доверие власти и институтам), и снижение «структурного конфликта». Готова ли власть на это? Что лежит в основании этого конфликта?

Основной отрицательный результат корпоративного государства («государственного централизма») — это значительный рост бюрократического аппарата, в том числе и в социальной сфере. По этому поводу хорошо высказался С. Перегудов: «Весьма модные... рассуждения о повышении роли «среднего класса» по существу лишь закрепляют нынешнюю гегемонию его наиболее влиятельной части, каковой является... все та же бюрократия» [9, с. 160]. Создание мощного среднего бюрократического класса — это стратегия власти: чем глубже и шире бюрократия проникает в общество, тем надежнее социальная опора (власть делит социальные риски с разросшимся «бюджетным классом»). В результате распределение социальных статусов вполне вписывается в систему «пожизненного найма».

Кадровое управление экономикой и обществом, минуя рынок, ставшее ментальностью в свое время, достигло в современной России невиданного размаха. Механизм аттестации и/или самоконтроля, который еще имел место в начале реформирования, полностью утрачен — достаточно привести пример с аттестацией в правоохранительных органах: был получен противоположный результат. Но подобный результат аттестации может быть и в любой социальной сфере и госуправлении. В результате любые резкие

социально-политические изменения могут привести к обратному результату, или к резкому противостоянию в обществе. Как же в таком случае осуществлять модернизацию и вообще вести диалог, если поведение власти изначально нелегитимно? Власть изначально сформировала «правила игры», изменить которые она не может, поскольку они определяют сам механизм управления обществом.

По сути мы вернулись к ранней эпохе индустриализации, когда основы традиционного общества еще сохранялись. «Россия развивается в рамках и в логике индустриальной модели, а в этой системе координат у нее нет серьезных конкурентных преимуществ – ни по трудовым ресурсам, ни по природно-климатическим параметрам» [7 с. 9]. Система «статусного» разделения труда стала определяющей в формировании нового российского общества – работник может лишиться своего места в результате неправомочных действий, но не потеряет своего статуса, пока существует система «подбора кадров» («патронаж») и аттестации кадров. Условием такого разделения труда, безусловно, является «государственный централизм», резко ограничивающий рынок труда распределением статусов и «набором кадров». Здесь важно отметить, что в сферу «государственного централизма» попадает значительная часть крупного капитала, где государство в лице «наблюдателей» имеет значительное влияние. Так, к примеру, чтобы реализовать инвестиционный проект в регионе, часто делается ставка не на уровень специализации и кооперации в регионе, снижение инвестиционных издержек, а на возможность использования статуса губернатора, федерального представителя (наблюдателя) по привлечению крупного бизнеса. В результате к воспроизводству общественной стоимости, управлению, к высокооплачиваемому труду на региональный рынок допускаются «избранные», достигшие ранее определенного социального статуса. В целом, в основании формирования социальной структуры (взаимоотношения различных акторов) общества заложена общая модель «патронажа». По сути, это форма или способ разделения труда, частично сохранившийся и на Западе, когда выстроенная властью «вертикаль» четко разделяет людей на членов вертикали и остальных. Данная система во многом является наследием традиционного общества, где работники остаются в личной юридической зависимости от работодателя либо объединены общей концепцией: «Не разглашать тайну следствия». Речь идет «о господстве бюрократии, которая превращается в замкнутую касту, защищающую свои собственные интересы...» [10, с. 389]. В этой модели чиновник остается «на пожизненное кормление». Так, В. Путин, сформировав новое правительство, оставил прежнее в качестве помощников. Но, с другой стороны, эта форма корпоративного управления характерна и для крупных современных закрытых организаций – они редко меняют кадры. В этом суть, если вернуться к российским реалиям, «кадрового» управления экономикой и обществом: «государство демонстративно отказывается от прав собственника и ограничивает свои возможности влиять на деятельность госкорпорации лишь двумя способами: кадровой политикой и политикой бюджетных субсидий» [1, с. 103]. Неслучайно русским профессионалам легче устроиться на высокооплачиваемую работу на Западе, чем в России – проблема только в не престижности нашей высшей школы.

Таким образом, в основании структурного конфликта (дифференциации российского общества) лежит система «патронажа» (вертикаль власти), обусловленная «государственным централизмом». Российский социум стал очень уязвим в плане потери социального равновесия – социальная конструкция (вертикаль власти) может рухнуть в результате резкого перераспределения достигнутого уровня социальных расходов (перераспределением статусов) в результате резкого снижения доходов бюджета. Формирование новой системы (структуры) управления социумом может затянуться, что усилит сепаратизм в обществе. Все проблемы федеральной власти будет вынуждена решать региональная власть, не имея достаточных резервов и средств, что может усилить социальные конфликты в целом.

2. Формирование социального капитала как условие сохранения экономической безопасности государства и социальной стабильности в обществе

Социальные изменения как условие снижения любых социальных конфликтов можно обосновать только через налаживание диалога власти с социумом. Кто в результате может быть инициатором диалога, вернее, вызова на диалог? Реальных субъектов может быть несколько, но реальный участник диалога пока один – это крупный капитал, поскольку процесс формирования партии среднего класса может быть долгим, а времени может не быть, либо принять неадекватную форму – открытый протест властям. Формой диалога

может быть соперничество власти и «капитала» за социальный капитал. Снижение «государственного централизма» может существенно ослабить власть и усилить влияние как крупного капитала (богатого класса), так и среднего класса, если власть примет его сторону. И это может быть барьером для налаживания диалога вообще — власть не привыкла к равным отношениям. Победа В. Путина на президентских выборах во многом была обеспечена влиянием символического капитала — перед возможной угрозой очередного переворота народ поверил в необходимости прихода В. Путина. «Символический капитал... является не чем иным, как капиталом в том виде, в котором его воспринимают агенты... т. е., когда этот капитала узнается и признается как нечто само собой разумеющееся» [2, с. 26]. Символический капитал, как и социальный капитал, повышает доверие к государству и к самой власти. У крупного капитала нет такого высокого доверия. Крупный капитал в итоге вынужден укреплять связи с регионами, вкладывая туда реальные капиталы, накапливая и социальный капитал (доверие населения и региональной власти). Формируется так называемый социальный капитал «второго рода» — «клубное благо» [6, с. 38]. В целом исследователи выделяют два рода социального капитала: «социальный капитал... в форме норм, правил поведения, общих для всех хозяйственных субъектов; как деперсонифицированное доверие» в форме... организующего коллективного действия хозяйственных субъектов, преследующих частные интересы, в интересах достижения общих для них целей» [6, с. 38–40]. Именно последний определяют как «клубное благо» — доверительные отношения региональной власти и бизнеса. «Сложившаяся к настоящему времени реальная модель отношений власти и бизнеса характеризуется тем, что сформировались три относительно обособленные зоны их взаимодействия: «белая», «черная» и «серая» [5, с. 449]. В нашем случае речь идет о «серой» зоне («неформальных практик поборов с бизнеса»), как следствие недофинансирования регионов и попытка региональной власти компенсировать дефицит ресурсов [5, с. 456]. Очевидно, рост автономии регионов (значительное снижение отчислений налогов в федеральный бюджет) может привести к обратному результату — к формированию микрокорпоративных государств, в основании которых будет «клубное благо». Необходим механизм «сдержек и противовесов» со стороны федеральной власти. Это возможно в случае, когда «политическая рента» (административный ресурс) будет сосредоточена в немногих руках. Но получается замкнутый круг («ловушка») — власть для повышения своего иммунитета вынуждена сохранять «централизм», укрепляя региональный аппарат «своими» людьми, что сегодня и происходит со сменой губернаторов, что одновременно сдерживает движение к демократии, к диалогу с социумом. Обратный процесс предполагает сокращение (поэтапное) федерального и регионального аппарата управления. В этом случае уровень государственной централизации снижается за счет снижения расходов (налогов) на управление. Очевидно, с резким снижением государственных доходов в результате мирового кризиса «вертикаль» может «рухнуть», и формирование регионального управления начнется с «нуля». Очевидно также, что регионы вынуждены готовиться к подобному сценарию, и укреплять «клубное благо» либо формировать новую команду.

Итак, крупный собственник того или иного капитала в определенной степени участвует в формировании социальной структуры общества — власть через политический капитал (административный ресурс) формирует «собственную» систему разделения труда (через социальные статусы), крупный капитал «покупает» (социальный обмен) эти статусы посредством «клубного блага», т. е. прямого или косвенного включения представителя власти в свой бизнес. Непрочность данной социальной системы очевидна — она основывается на высокой концентрации и централизации ресурсов и ограничивает саму перспективу социальных изменений, прежде всего, налаживания диалога между властью и социумом. В то же время, насколько сильны, к примеру, позиции российских олигархов в укреплении или изменении социальной и политической структуры общества? В этом аспекте положение крупного капитала более предпочтительно — он не обременен поиском источников, но обременен поиском профессионалов — экспертов, способных осуществить «грандиозный замысел». В этом случае у власти больше шансов — в ее структурах может работать любой непрофессионал, поскольку государство обладает «монополией на насилие». Есть также еще один фактор, укрепляющий позиции власти — это использовать крупный капитал в качестве главного источника роста «доверия» к государству (речь идет о повышении налогов для богатых). Однако следует признать ограниченность действия данного фактора — часть

высших чиновников превратилась в богатый класс. Очевидно, потенциал власти и крупного капитала в накоплении социального капитала и влияния на социальные изменения, в целом, одинаков. В случае конкуренции за социальный капитал с крупным капиталом средний класс может быть союзником власти. Таким образом, формирование и укрепление социального капитала может быть единственным направлением устранения структурного конфликта и поддержания социальной стабильности. Становится очевидным, что решение данной проблемы (поддержания социальной стабильности) переместится из федерального центра в регионы, что автоматически снижает давление и власти, и федеральной бюрократии на общество – вертикаль власти рушится. Возможна ли такая ситуация – покажет время. Но очевидно одно – федеральная власть должна сделать ответный ход.

Итак, власть управляет обществом через, наделенные «социальные статусы». Условием для развития такого общества является «государственный централизм» (в нашем понимании – «корпоративное государство», как результат централизации и проникновения государства в бизнес). Данная модель государства основывается на избыточном капитале в результате эксплуатации природной ренты в частных интересах и системы корпоративного управления. Очевидно, что процесс «разгосударствления» должен быть четко обозначен и представлен обществу. Это и будет условием для формирования новой парадигмы социального изменения (управления), нацеленного на сохранение социальной стабильности за счет «снятия» социальных конфликтов и снижения влияния бюрократического государства (корпоративного) в результате конкуренции федеральной власти с региональной за социальный капитал. Их конкуренция в итоге будет способствовать росту социального капитала в обществе, но их дальнейшее слияние (сращивание) в рамках корпоративного государства (укрепление вертикали власти), может усилить «структурный конфликт» и риски развала общества в случае мирового кризиса. Средний класс становится некой третьей силой, способной разрешить «структурный конфликт» в результате «новой волны» разгосударствления как системы «сдержек и противовесов». Власть испытывает угрозу «ловушки» (кризиса), когда диалог с социумом станет невозможным. Но власть пойдет на диалог с социумом только по причине угрозы своей экономической безопасности. Однако ждать этой угрозы – не в интересах власти: у нее не так много времени для сохранения и своего статуса, и социальной стабильности, и она вынуждена идти на диалог с обществом. В этом случае инициатива регионов может быть решающей – накапливая социальный капитал, региональная власть может существенно подорвать влияние федеральной бюрократии в обществе и взять на себя роль «миротворцев». Это неизбежно приведет к конкуренции с федеральной властью, что в целом может быть как позитивным моментом для общества в целом, так и негативным. В результате власть вынуждена идти на диалог с обществом, но с меньшими социальными издержками – значительно снижая влияние бюрократии, т. е. государственных расходов, но это предполагает совершенно новую модель управления обществом, анализ которой требует отдельного и очень сложного разговора.

1. Адашева, С. Государственные корпорации: можно ли оценить корпоративное управление? [Текст]/С. Адашева, Ю. Симачев//Вопросы экономики. 2009. № 6.
2. Бурдье, П. Социология социального пространства [Текст]/П. Бурдье. М., 2005.
3. Бузгалин, А. Социальный капитал: клей, обеспечивающий устойчивость позднего капитализма, или гексоген в его основании? [Текст]/А. Бузгалин//Общественные науки и современность. 2011. № 3.
4. Буровой, М. «Транзит без трансформации: инволюция России к капитализму» [Текст]/М. Буровой//Социологические исследования. 2009. № 4.
5. Институциональные ограничения экономической динамики [Текст]. М.: ТЕИС, 2009.
6. Курбатова, М. Структура социального капитала как фактор институционального развития региона [Текст]/М. Курбатова, С. Левин, Е. Каган//Общественные науки и современность. 2010. № 6.
7. Мау, В. Экономическая политика 2007 г.: успехи и риски [Текст]/В. Мау//Вопросы экономики. 2008. № 2.
8. Парсонс, Т. Система современных обществ [Текст]/Т. Парсонс. М., 1998.
9. Перегудов, С. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства [Текст]/С. Перегудов//Полис. 2011. № 3.
10. Штомпка, П. Социология: анализ современных обществ [Текст]/П. Штомпка. М., 2005.